НОРМАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

И. В. Лавров

Автор исследует теоретические аспекты реализации нормативной парадигмы в экономике благосостояния. В статье анализируются проблемы методологии и теории современной нормативной экономики, изучается роль лидеров (элит) в экономике благосостояния и общественного выбора в российских регионах, даются разнообразные определения режимам накопления национального богатства и функционирования экономики, вводится понятие института перспективы как интегрального критерия роста благосостояния, приводится типология благосостояния. В рамках современной экономики благосостояния предлагается новое видение проблемы разработки институтов, определяющих формирование граждан и гражданского общества в условиях переходных состояний. В ситуации провалов рынков или их отсутствия равновесные структуры возникают как результат действия элит и инсталлируемых ими институтов: лидерства, социальной ответственности, доверия и перспективы. Автором разработаны концептуальные элементы экономической теории элит для диагностики качества менеджмента территорий регионов страны.

Экономика благосостояния до сих пор выступает общим названием для нормативного аспекта исследований в экономической науке, другими словами, экономическую теорию благосостояния представляет сейчас нормативная экономика [20, с. 531]. Формирование и развитие методологии экономики благосостояния зависит от общей для экономической теории методологии. Под методологией в общем случае мы понимаем концепцию способов и приемов познавательной деятельности, имеющую нормативную основу, что отличает методологию от гносеологии, которая является позитивной теорией познания (знания).

В настоящее время вполне приемлемо выделять не только научную и философскую онтологию и методологию в экономике, как подчеркивается в современных исследованиях [3, с. 100-111; 4, с. 275-323], но, на наш взгляд, и логику, и гносеологию экономической науки. Онтология — наука о бытии, действительно существующем, сущем, наука об общих свойствах вещей. В современной методологии онтология (соответственно, онтологическое) конституирует объективное содержание любой научной теории.

Вместе с тем в работах по истории экономической мысли уже принято начинать анализ основоположений экономической теории с философии Аристотеля и ближайшей к нему философской традиции античного материализма. Так, в известном российском учебнике по истории экономических учений [8, с. 13-26] философия Аристотеля рассматривается в качестве единственной логической и теоретико-методологической основы экономической науки на протяжении столетий в Европе.

Выдающиеся достижения философии Аристотеля отмечаются также в работах К. Поланьи, где Аристотель называется основателем экономической науки в равной степени и наряду с А. Смитом и Д. Рикардо. Поскольку Аристотель создал свои шедевры научной мысли за два тысячелетия до классиков английской политической экономии, то вполне правомерно считать его философию логико-теоретической основой современной экономической науки, в любом случае ее пролегоменами (пролегомены — от греч. προλεγόμενα — предварительные замечания, краткое изложение основных понятий науки, введение в науку).

Аристотель впервые в истории науки представил в «Метафизике» методологию, логику, онтологию и теорию познания (гносеологию) в единстве как систему категорий — совокупность общих понятий философии и науки. Идея представить формы мышления, формы бытия и содержание познания в качестве сторон и аспектов метода (категорий, составляющих метод, прежде всего) — фундаментальная новация для философии и науки. Дальнейшее развитие философии только усилило значение этого важнейшего открытия Аристотеля благодаря немецкой классической философии, и в особенности Гегелю, а затем и марксизму. Методология, онтология, логика и гносеология науки обнаружи-

вают свое фундаментальное единство в системе категорий, а не как-то иначе. По современным меркам представление, что в категориях интегрируется онтологическое и логико-гносеологическое единство науки, является уже достаточно признанным фактом.

Собственно структура метода экономической теории может рассматриваться кроме инструментального еще и в категориальном смысле, как обозначение внутреннего единства определенного множества проблем исследований. Если меняется проблематика экономической науки, то это, на наш взгляд, верный признак смены метода и наступления новой парадигмы. Как единство явлений дано в познании их сущностью, так и структура метода составляет определенную формальную сущность реального предмета исследования, и эта сущность представлена системой категорий науки.

В русле неоклассического мейнстрима принято различать старую и новую экономику благосостояния [18, с. 164], которые вместе с теорией общественного выбора обнаруживают концептуальное единство подходов к исследованию общественного богатства. Обеспечивает такое единство экономики благосостояния и общественного выбора теория предельной полезности, основанная, в свою очередь, на неоклассической концепции маржинального анализа (для краткости — маржиналистская концепция).

В настоящее время основным направлением в этой области является паретианское (математическое), которое и отождествляют с новой экономической теорией благосостояния. Фундаментальные исследования В. Парето сформировали основной набор категорий и проблематику нормативной экономики, включающей в свой состав критерии и правила оптимальности распределения ресурсов, готовой продукции и иных благ (оптимум Парето); предельные условия максимизации благосостояния, порядковый (ординалистский) подход к представлению полезности и др. [21, с. 315-316].

Но в самое последнее время в отечественной и зарубежной литературе формируется уже новое направление экономики, которое называется экономикой счастья [10, с. 134-137; 22, с. 58-71; 17], в рамках которого, скорее всего, найдет отражение новый уровень развития нормативной экономики Запада, берущей свое начало с известных трудов А. Смита и развивающейся в исследованиях К. Эрроу, А. Сена и А. В. Этциони.

В научной общественно-политической литературе в России и за рубежом в настоящее время широко представлена теория государства всеобщего благосостояния, современный этап развития которой связан с работами Г. Эспинга-Андерсена, в частности, с его классификацией «режимов капитализма всеобщего благосостояния» [19, с. 88]. Заметим, что государство всеобщего благосостояния в сущности тождественно социальному государству, т. е. они являются одним и тем же институтом капиталистической экономики, поэтому все свойства и характеристики режимов функционирования социального государства и государства всеобщего благосостояния совпадают.

Так, Г. Эспингом-Андерсеном выделяются три основных режима государства всеобщего благосостояния в условиях капитализма: неолиберальный (американский), социально-демократический (скандинавский), консервативно-корпоративистский (франко-германский).

Неолиберальный, или американский, режим капиталистического благосостояния основан на массовом среднем классе общества [16, с. 1053-1056] при минимальном взаимодействии государственного регулирования и некоммерческого сектора в формировании экономики благосостояния.

Социально-демократический, или скандинавский, режим благосостояния в условиях современного капитализма сформирован максимальным воздействием социального государства на рыночную экономику в направлении роста благосостояния всего населения в результате перераспределения доходов.

Наконец, консервативно-корпоративистский, или франко-германский, режим складывается на основе взаимодействия публичных институтов государства и корпоративных, некорпоративных, коммерческих и некоммерческих институтов гражданского общества, реализующих частные интересы домохозяйств, семей и индивидов. В экономике государства всеобщего благосостояния франко-германского типа особое значение принадлежит организациям некоммерческого сектора, которые оказывают услуги домохозяйствам, семьям и индивидам и определяют содержание гражданского общества.

Важнейшая задача социального государства — обеспечивать баланс между рыночной эффективностью и социальной справедливостью. На этом пути мероприятия социальной политики

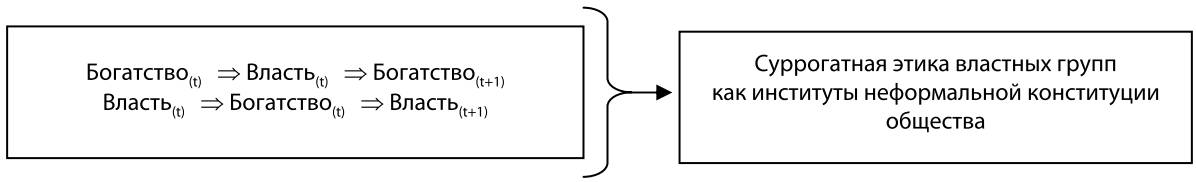

Рис. 1. *Модель меркантилистической экономики*

государства и местного самоуправления подкрепляются усилиями предпринимательского сектора экономики, который обеспечивает реализуемость программ социального развития территорий. Эти усилия концептуально отвечают потребности науки и практики управления определить содержание социальной ответственности бизнеса, которое в современных условиях конкретизируют, на наш взгляд, деловая ответственность компании, ответственность работодателя, гражданская ответственность предпринимателя и его социальная активность, ответственность в качестве налогоплательщика. При этом понимание государства как источника и гаранта правовых норм, регулирующих хозяйственную деятельность и общие конкурентные условия, не выходит за пределы западной экономической традиции.

Понятие режима функционирования рыночной экономики обозначает две различные по сути экономики — меркантилистическую экономику (в теории А. Сена она называется материально ориентированной экономикой) и социальную этически ориентированную экономику (социальную экономику). В переходном состоянии системы сущность меркантилистической экономики определяется нами как экономика властных группировок.

Подобная экономика является гибридным социально-экономическим образованием, противостоящим как централизованной плановой, так и конкурентной рыночной экономике [5, с. 73-83]. Экономика властных группировок как вполне определенный политико-экономический режим функционирования национального хозяйства, на наш взгляд, приживается в любых типах хозяйствования (нерыночных, рыночных, конкурентных, неконкурентных), но в транзитивных условиях, когда прежние институты общества уже не действуют, а новые институты еще не созданы, они заменяются корпоративными, групповыми суррогатами этики хозяйствования, которые навязываются обществу, включая государство и местное самоуправление, в качестве реальных норм неформальной конституции. В истории России в XX в. экономика властных группировок неоднократно была реализована в переходные эпохи — военный коммунизм, ГУЛАГ, хрущевская оттепель и др.

Иногда в ситуациях разрыва с *path dependence* властные группировки и группы могут выполнять роли элиты, социально-экономических менеджеров и лидеров государства и местного самоуправления, стимулируя необходимые социальные бифуркации и изменения в направлении укоренения нормальных экономических институтов. Нормальные экономические институты, соответствующие распределению реальной политической власти, ресурсов (совокупного экономического и социального потенциала) и установкам (архетипам) общества, являются основным фактором, определяющим рост благосостояния населения [2, с. 6].

Для меркантилистической и социальной этически ориентированной экономики существуют концептуальные обобщения и базовые модели: неомеркантилизм как идейный продолжатель меркантилистической доктрины в условиях глобализации и массового общества, с одной стороны, и вся неоклассическая традиция, совмещенная с эволюционно-институциональной экономической теорией, с другой. Базовые модели режимов функционирования экономики также достаточно различны. Для меркантилистической экономики базовой моделью, на наш взгляд, будет схема, представленная на рисунке 1.

Согласно схеме, богатство (ресурсы, потенциал) в меркантилистической экономике является своеобразным лифтом во власть с целью накопления богатства. С другой стороны, публичная власть становится удобным и универсальным инструментом создания таких экономических институтов, которые по меньшей мере не влияли бы на легитимность индивидуальных состояний, на привилегированное положение групп лоббирования корпоративных интересов тех или иных производителей, собственников, т. е. власть должна прирастать властью ($Власть_{(t)} \Rightarrow \ldots \Rightarrow Власть_{(t+1)}$) на основе легитимного распределения национального дохода и

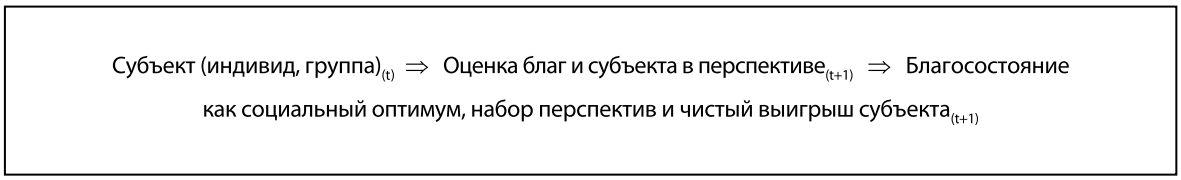

Рис. 2. *Модель социальной этически ориентированной экономики*

богатства среди властных групп, становящихся элитой, или, наоборот, среди элит общества, перерождающихся в паразитирующие закрытые социальные группы и кланы. Назначение, качество и характер элит современного массового общества диагностируется средствами экономической теории элит.

Для социальной этически ориентированной экономики можно предложить базовую модель, основанную на противоположных логических основаниях. Так, в результате преобразований богатства в элемент индивидуальной праксеологии можно сформулировать базовую модель социальной этически ориентированной экономики (рис. 2).

С. Московичи, автор капитального исследования о социально-экономической науке XIX в., считает, что Г. Зиммель впервые сформулировал этическую концепцию экономики обмена, т. е. рыночной экономики как экономики жертвы, внутри которой устанавливаются подлинные экономические отношения. Устанавливаемый смысл обмена заключается во взаимности жертвы (по Г. Зиммелю): «Мы уступаем блага, свободное время, отдых, мы подвергаем риску наше существование, чтобы обозначить цену, которую мы придаем какому-то занятию, дружбе, группе, и мы ожидаем взамен благодарность» [14, с. 393].

Однако, на наш взгляд, лишь австрийская школа маржинализма представила первый в истории неоклассики научный проект теории социальной экономики: концепция экономического блага и, соответственно, ценности базируется на отношении предметов, продуктов труда, самого труда и т. д. к потребностям и благосостоянию человека. По К. Менгеру, предмет является благом, если совпадают следующие условия его функционирования:

а) наличие человеческой потребности;

б) свойства предмета, делающие его звеном причинной связи с удовлетворением этой потребности;

в) познание человеком этой причинной связи;

г) возможность распоряжаться предметом таким образом, чтобы действительно употреблять его для удовлетворения этой потребности.

Предмет только тогда становится благом, когда выполняются эти четыре условия, при отсутствии хотя бы одного из них предмет никогда не может быть благом.

Согласно австрийской школе, качественная сторона отношения полезных свойств вещей к благосостоянию человека выражается в понятии ценности, а количественная трактовка указанного отношения дает метод предельного (маржинального) анализа хозяйственных явлений. Теоретики австрийской школы ориентировались на исследование отношений человека и окружающих его предметов, которые (отношения) и формируют характер блага этих предметов. Исходя из подхода австрийской школы, нами были разработаны определения тождества и различий экономических категорий «активы» и «благо», которые представлены в табл. 1. Соотношения этих категорий концентрируются в разном отражении ими экономической сущности трансакций, ценности, стоимости, механизма обмена в процессе социального и экономического взаимодействия агентов, в различии атрибутивных свойств.

В современной справочной экономической литературе «блага (*goods*) — вещественные предметы (*commodities*), вносящие позитивный вклад в экономическое благосостояние (*economic welfare*), которые следует отличать от антиблаг (*bads*)» [20, с. 207]; здесь же активы (*assets*) трактуются как «…нечто реально существующее, обладающее рыночной или меновой стоимостью и образующее часть богатства или собственности его владельца. В экономической теории существует важное разделение на «реальные» активы, представляющие собой материальные ресурсы, участвующие в производстве либо служащие непосредственно своему владельцу в виде предприятий, зданий, продукции сельского хозяйства, и финансовые активы, включающие деньги, облигации и акции, представляющие собой требование или право на по-

Таблица 1

Соотношение категорий «активы» и «благо»

Элементы	Категория	
	Активы	**Благо**
Трансакции	Обмен	Обмен и дарение
Ценность	Экономическая (хозяйственная) ценность	Экономическая (хозяйственная) и социокультурная ценность
Стоимость	Преимущественно денежная оценка. Редко бартерная оценка	Денежная и неденежная оценка применяются в равной степени
Механизм обмена	Механизм обязательств и требований: обязательство → договор → передача актива → определенное вознаграждение	Экономический механизм обязательств и требований, дополненный системой трансфертов, награждений и безвозмездной передачи
Свойства	Два атрибутивных свойства: потребительная и меновая стоимости	Четыре атрибутивных свойства (по К. Менгеру) [13]

лучение дохода либо ценностей от других лиц» [20, с. 29].

Как видно из приведенных устоявшихся определений этих важнейших для нормативной экономической теории категорий, в них не отражаются существенные различия свойств, механизмов включения в рыночные и хозяйственные связи, содержания ценностей активов и благ.

В понятиях «активы» и «благо» необходимо видеть их единство и различие как концептуальной основы альтернативных теорий в экономике благосостояния, экономической политики государства и, соответственно, двух режимов функционирования экономики. Так, понятие активов составляет фундамент теории богатства. Понятие блага — фундамент теории благосостояния. На рис. 3 схематично показаны элементы режимов накопления национального богатства и функционирования экономических систем в зависимости от институтов, элит, концептуальных основ экономической политики государства.

Нормативная экономическая теория определяет наилучшую (оптимальную) форму производства, сбережения и накопления богатства общества и домашнего хозяйства. Этот аспект безотносительно к богатству разрабатывается в экономической литературе как теория бенчмаркинга. Закон оптимальной формы богатства предполагает сравнение на основе кросс-культурных и компаративных исследований существующих экономических моделей с учетом траектории развития стран, их истории и особенностей менталитета населения. Соответственно, в самом общем виде критерий роста в материально ориентированной экономике составляет прирост элементов (активов) национального богатства.

В социальной экономике наряду с богатством институт перспективы является критерием роста индивидуального, корпоративного и общественного благосостояния, хотя перспектива — это в первую очередь индивидуальный социально-экономический феномен.

С одной стороны, есть индивидуальное благосостояние, объективно, логически и теоретически связанное с биосоциальной природой и сущностью человека. В этом случае социальная и экономическая политика государства как основного института публичной власти должна реагировать на изменения общественного консенсуса в отношении актуальной сущности человека, его потребностей и желаний. С другой стороны, следует четко отделять от индивидуального общественное (государственное и муниципальное) и корпоративное (коллективное) благосостояние, которое увязано с сущностью современных политических, социальных и экономических организаций, прежде всего государства, муниципалитетов, партнерств (товариществ) и хозяйственных обществ.

Для общественного и корпоративного благосостояния характерны особенности поведения и предпочтений, присущих группе или сообществу групп. Группа в социальной науке признается особым субъектом действия по сравнению с индивидом. Группа состоит из индивидов, но не сводится к простой их сумме. В этом случае можно наблюдать эффект синергии: из совокупности индивидов как первичных субъектов появляется группа как вторичный субъект. Благосостояние индивидов и групп различно, удовлетворение их потребностей и предпочтений может резко противоречить друг другу, что делает крайне трудной реализацию любых ви-

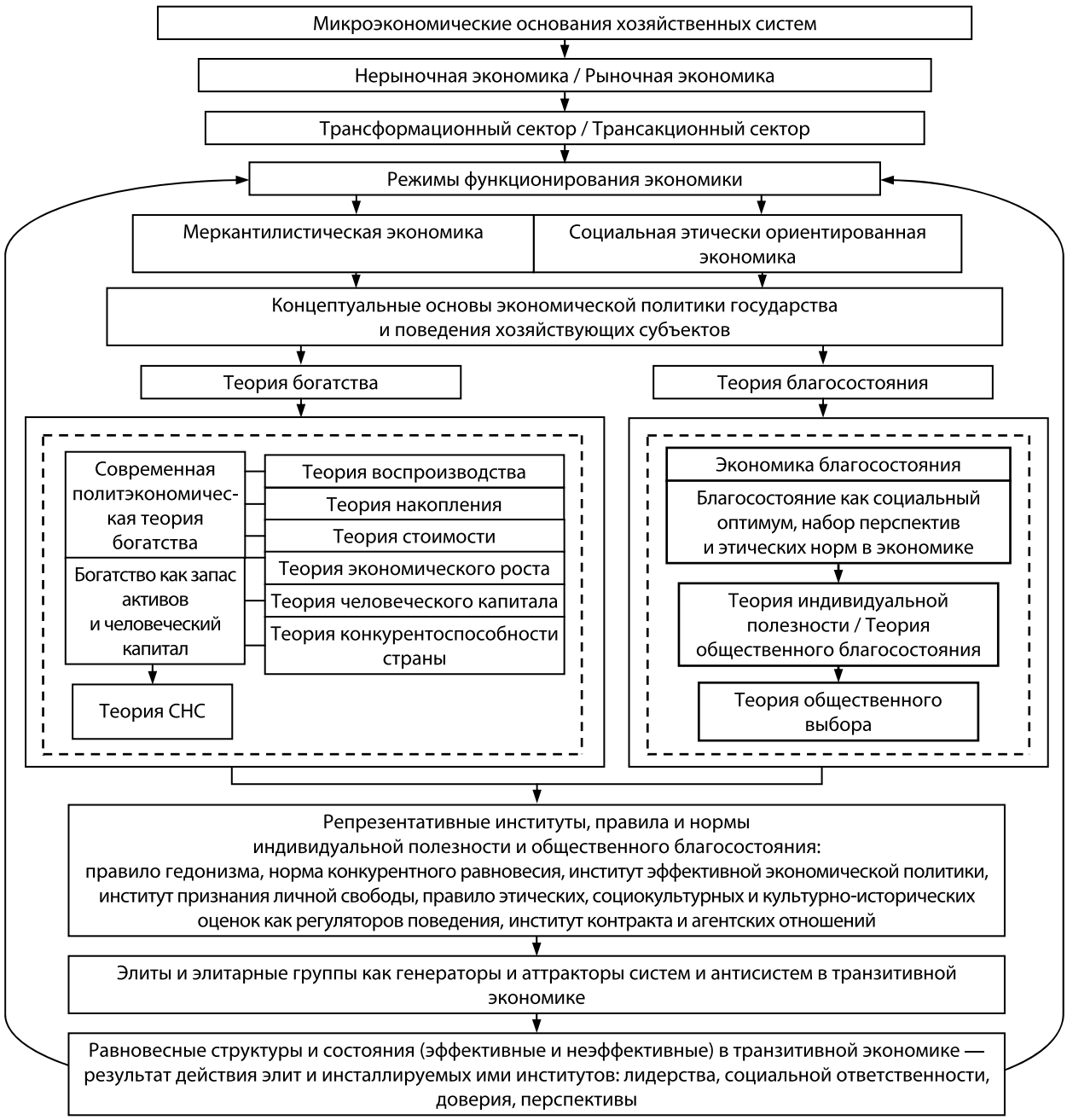

Рис. 3. *Основные элементы режимов накопления национального богатства и функционирования экономики*

дов политики государства, местного самоуправления и корпораций в обществе из-за неизбежных конфликтов публичного и частного, массового и элитарного, общественного, коллективного (корпоративного) и индивидуального.

Производство, воспроизводство, сбережение и накопление национального богатства в СССР подчинялось «закону элит», открытому В. Парето в конце XIX в., но так и не оформленному им в виде экономической теории. При этом за развитие идей В. Парето принялись другие общественные науки — философия, политология и социология с их гуманитарной методологией.

В научное отражение отношений элит и населения советского социально однородного, а поэтому массового общества значительный вклад внесли исследования М. Восленского и М. Джиласа, определивших сущность советской номенклатуры. Аналогичные на Западе исследования были проведены Г. Моской, Р. Михельсом, Ч. Миллсом, Р. Далем, Р. Мертоном, Т. Парсонсом, С. Келлером и др. Однако экономическая теория XX в. осталась в стороне от данного

Таблица 2

Типология благосостояния

Субъект благосостояния	Временные параметры	
	Потенциальное благосостояние	**Актуальное благосостояние**
Индивиды, домашние хозяйства	Обучение, включая все виды инвестиций в человеческий, социальный и символический капитал. Изобретения и инновации	Конечное индивидуальное потребление материальных, финансовых и нематериальных активов и благ
Государство, муниципалитеты	Инвестиции в производство товаров и услуг, финансовые титулы, нематериальные активы. Инновации	Конечное государственное потребление материальных, финансовых и нематериальных активов и благ
Фирмы, предприятия	Производственные и финансовые инвестиции. Инновации	Прибыль

направления исследований за небольшим исключением исследований в рамках социально-политической теории гражданского общества, теории групп М. Олсона и теории коллективного выбора К. Эрроу.

Две последние концепции — сугубо экономические по своей сути — основывались, на наш взгляд, на противоположных социологических постулатах и представлениях. М. Олсон был сторонником классовой (групповой) социологической теории общества, тогда как К. Эрроу ближе к классической либерально-индивидуалистической социологии. В целом же экономические закономерности и факты массового общества с основополагающей для него дихотомией «элиты — массы» остались малоисследованными в социальной науке.

В методологическом плане представляется оправданным разделение благосостояния по временному параметру на потенциальное (возможное) и актуальное (действительное), а также по субъектам присвоения — на индивидуальное (индивиды, домашние хозяйства), общественное (государство, муниципалитеты) и корпоративное (фирмы и предприятия) (табл. 2). Потенциальным источником благосостояния следует считать инвестиции как сущность накопления; актуальным источником благосостояния, следовательно, являются конечное индивидуальное и государственное потребление, прибыль фирм и предприятий.

В представленной типологии явно выражен дуализм благосостояния — противостояние индивидуального и корпоративного, индивидуального и общественного, которое (общественное) чаще всего ассоциируется с государством как с политическим и по преимуществу всеобщим представителем общества. В этом смысле индивидуальное благосостояние, формируемое неоклассической теорией полезности, противостоит общественному и корпоративному благосостоянию.

На наш взгляд, приемлемое решение проблемы определения интегрального критерия роста индивидуального, корпоративного и общественного благосостояния заключается в том, что таким критерием является институт перспективы, в котором богатство (одна из переменных благосостояния и мера возможного в действительности) составляет сущность социальной свободы индивидов, групп и всего общества в целом.

Экономически выигрыши (равно как и проигрыши) населения должны измеряться в деньгах, но не во всех ситуациях денежное измерение результатов их действий достижимо. Рост общественного благосостояния равен росту чистых выигрышей, полученных индивидами и группами, составляющими население страны, за определенный период времени в рамках фактической социально-экономической системы общества. Например, календарный год может составлять временной интервал перспективы. В этом временном интервале перспектива отражает будущее хозяйствующих субъектов в качестве набора их возможностей, но ее численные значения неопределенны. Неопределенность составляет сущность перспективы.

Возможные эффекты реализации перспективы заполняют некоторый интервал на числовой оси и даже несколько непересекающихся интервалов, если принятый план поведения окажется подходящим, то возможные эффекты его будут лежать в одном интервале, если же выяснится его непригодность — в другом. На этом основании данный вид неопределенности можно назвать интервальной неопределенностью. Здесь показатели возможности неопреде-

ленных параметров устроены следующим образом: все значения параметра в соответствующем интервале считаются возможными (показатель возможности равен единице), все остальные — невозможными (показатель невозможности равен нулю). В общем же случае можно говорить об интервальной неопределенности, если об эффекте перспективы известно только некоторое множество его возможных значений, но не распределение вероятностей на этом множестве.

Наиболее общая расчетная формула для определения ожидаемого интегрального эффекта в случае интервальной неопределенности предложена Л. Гурвицем (1). Она известна под названием «критерий оптимизма — пессимизма»:

$$\text{ЭФ}_{\text{ож}} = \lambda \text{ЭФ}_{\max} + (1-\lambda)\text{ЭФ}_{\min}, \qquad (1)$$

где λ — норматив (весовой коэффициент), отражающий предпочтения хозяйствующих субъектов в условиях интервальной неопределенности ($0 \le \lambda \le 1$); $\text{ЭФ}_{\text{ож}}$ — ожидаемый интегральный эффект; $\text{ЭФ}_{\max}$ — эффект от реализации оптимистического сценария; $\text{ЭФ}_{\min}$ — эффект от реализации пессимистического сценария.

Выбор норматива — дело достаточно уникальное, прогнозирование в реальных условиях дает удовлетворительные результаты уже при $\lambda = 0{,}3$. Вполне допустимо, на наш взгляд, интерпретировать перспективу как весовой коэффициент λ эффекта от реализации оптимистического сценария ($\text{ЭФ}_{\max}$), приводящего к выигрышу хозяйствующего субъекта.

К эффектам от реализации сценариев в условиях интервальной неопределенности, на наш взгляд, относятся: товары, услуги, деньги, ценные бумаги, институты, организации, трансакции, т. е. все, что можно по праву считать благом. Рост или снижение благосостояния отражается через изменение перспективы, численно равной весовому коэффициенту (нормативу) потребления блага в жизненном мире человека или группы. Формально положение о перспективе можно записать как уравнение баланса:

$$\text{Перспектива} = 1 - \frac{U - U^*}{U + U^*}, \qquad (2)$$

где U — фактическая полезность блага в ютилях, д. е.; U^* — ожидаемая полезность блага в ютилях, д. е.

Из рис. 4 видно, что социальный оптимум благосостояния в точке E не совпадает ни с ожидаемой, ни с фактической полезностью блага

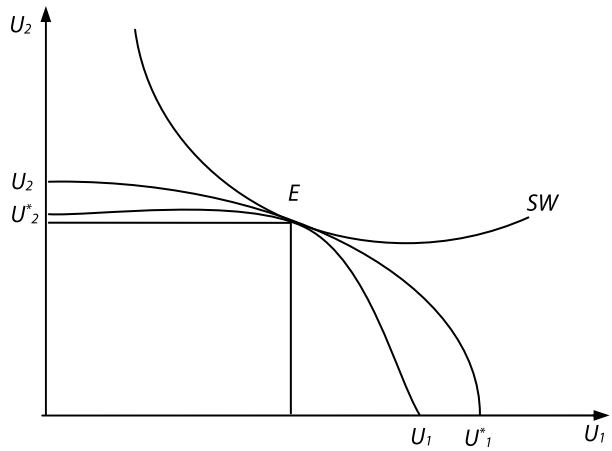

Рис. 4. *Графическая модель соотношения оценки желаемой (ожидаемой) полезности U* в ютилях, д. е., и фактической полезности U в ютилях, д. е., блага m для хозяйствующих субъектов 1 и 2.*

для первого субъекта, но близко соответствует оценкам второго субъекта в отношении желаемой полезности блага.

При этом формула расчета балансирующей статьи (2) и составляет уравнение перспективы, в котором частное от деления берется по модулю.

Рост или снижение индивидуального или корпоративного благосостояния представлены смещениями линий перспектив $PP_4 \rightarrow PP_3 \rightarrow PP_2 \rightarrow PP_3 \rightarrow PP_3 \rightarrow PP_5$ в зависимости от расположения кривой безразличия функции общественного благосостояния SW. Разница между ожидаемой и фактической полезностью потребляемых благ равна помехам, тяготам, затратам, т. е. издержкам $C(Y)$, которые вынужден нести хозяйствующий субъект в силу той или иной организации социально-экономической системы.

Сравнение издержек $C_1(Y_1)$, …, $C_m(Y_m)$ от потребления m благ на кривых общественного благосостояния SW_1, …, SW_5 позволяет ранжировать перспективы по удельному весу помех, тягот и затрат, выраженных в ютилях, в денежных единицах (д. е.) или в других сопоставимых величинах, препятствующих реализации сценария потребления по оценке хозяйствующего субъекта в зависимости от выбора оптимальной социальной организации совокупного потенциала национальной экономики.

Кривые безразличия SW представляют уровни совокупного потенциала национальной экономики, все точки на которых показывают оптимум его организации. Соответственно, движение по кривым SW сверху вниз и слева на-

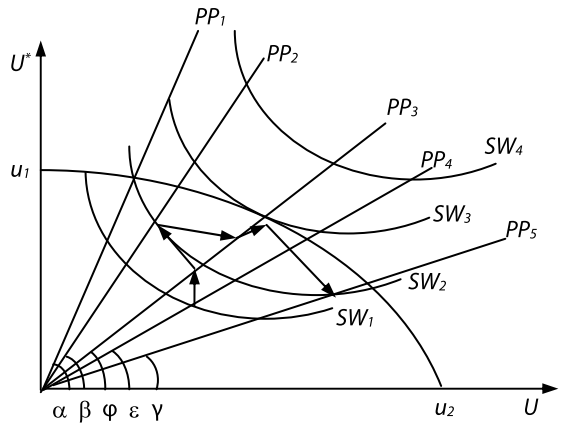

Рис. 5. *Изменение перспектив (PP_1, PP_2, …, PP_n) потребления благ в жизненном мире человека или группы на границе благосостояния u_1u_2*

право показывает рост функции общественного благосостояния, следовательно, рост перспектив индивидуального или корпоративного благосостояния, которые на рис. 5 пересекают кривые *SW*.

Оценка перспективы хозяйствующего субъекта как весового коэффициента λ, нормирующего эффект от реализации оптимистического сценария (1), приводящего к выигрышу, связано с уменьшением удельного веса издержек в реализации перспективы. Последнее может происходить как на основе сокращения помех, тягот и затрат, так и на основе прироста полезности избранной перспективы.

Перспектива является вектором, так как представляет величину, имеющую численное значение и направление. Направление перспектив — это однонаправленные отрезки прямой линии, которые проводятся от начала системы координат, располагаются между осями абсцисс (на оси абсцисс располагаются численные значения фактической полезности в сопоставимых единицах измерения затрат и выигрышей) и ординат (по оси ординат располагаются численные значения ожидаемой полезности в сопоставимых единицах затрат и выигрышей), имеет острый угол наклона к оси абсцисс α, γ, ε, β, φ, соответственно и острый угол наклона к оси ординат α', γ', ε', β', φ' (рис. 5).

Все перспективы индивидуального благосостояния ($\sum PP$) представляют множество точек — совокупность пар координат $\sum(U^*_j, U_j)$. Согласно правилам сложения векторов и на основе теоремы косинусов, оценка численного значения перспективы (PP_n) может быть дана на основе формулы (3).

$$PP = \overrightarrow{U^*} + \overrightarrow{U} = \left|U^* + \overrightarrow{U}\right| = \\ = \sqrt{\left|U^*\right|^2 + \left|U\right|^2 + 2\left|U^*\right| \times \left|U\right| \times \cos(u, u^*)}. \quad (3)$$

Графически перспектива PP есть результат сложения векторов полезностей U^*, U. Совокупность всех перспектив индивидуального или корпоративного благосостояния, формируемого благами, доступными хозяйствующим субъектам, и разделяемыми ими ценностями, составляет потенциал их благосостояния, который равен 1 (100%).

В соответствии с принятой нами в статье методологией определения и обособления в рамках современной экономики двух секторов (трансформационного и трансакционного) и двух режимов ее функционирования экономические показатели и индикаторы общественного благосостояния разрабатываются и применяются отдельно для трансформационного (первый тип показателей и индикаторов) и отдельно для трансакционного (второй тип показателей и индикаторов) секторов экономики.

В табл. 3 представлены комбинации подходов и локальных критериев оценки роста общественного благосостояния.

Совокупность ресурсов, населения, социально-экономических и политических институтов любого государства существует на определенной территории. Под территорией понимается «...определенная часть социального (в первую очередь, населения), природного (в том числе, природно-ресурсного и экологического), экономического, инфраструктурного, культурно-исторического и, наконец, собственно пространственного потенциалов государства, которая находится в юрисдикции федеральных, субфедеральных или местных (муниципальных) органов власти» [12, с. 24].

Иначе говоря, территория — это совокупность пространственно совпадающих частей социального, природно-ресурсного и иных потенциалов государства, по отношению к которым производятся регулятивные действия как со стороны федерального Центра, так и со стороны органов управления субъекта Федерации и самоуправления этой территории. Территория на уровне муниципального образования, субъекта Федерации или Российской Федерации в целом должна рассматриваться в качестве территориальной системы.

Нормальное функционирование всех частей определенной территориальной системы осно-

Таблица 3

Локальные критерии оценки роста общественного благосостояния

Сектор экономики	Режимы функционирования	
	Меркантилистическая экономика	Социальная этически ориентированная экономика
Трансформационный	Критерий оптимума В. Парето. Критерий теории второго лучшего Р. Дж. Липси — К. Ланкастера. Критерий «арифметики счастья» И. Бентама. В основе построения функции благосостояния — принцип утилитаризма: $SW(u_1, u_2) = u_1 + u_2$, т. е. главное — эффективность. Кривая Лоренца, коэф. Джини и коэф. фондов	Критерий «компенсации» Дж. Р. Хикса — Н. Калдора. «Двойной критерий» Т. Скитовски. Функция общественного благосостояния А. Бергсона — П. Самуэльсона. Максиминный критерий благосостояния Дж. Роулса. Ведущий принцип экономики благосостояния — эгалитаризм: $SW(u_1, u_2) = \min(u_1, u_2)$, т. е. главное — справедливость
Трансакционный	Подход теории групп М. Олсона. Ресурсный критерий «хороших и плохих» экономических институтов Д. Асемоглу, С. Джонсона, Дж. Робинсон. Основной фактор благосостояния — различие экономических институтов: $SW(u_1, u_2) = \max U(I) \mid \min \bar{U}(I)$, где $\bar{U}(I)$ — экономический институт с антиполезностью для общественного благосостояния. Иерархия и качество институтов	Критерий ключевых инструментальных свобод А. Сена. Теорема невозможности К. Эрроу. Основной принцип благосостояния — признание приоритета личности, ее свобод и прав. Рост общественного благосостояния — это мультипликативный рост возможностей индивида, т. е. либерализм: $SW(u_1, u_2) = \max (u_1^{\alpha} u_2^{\beta})$.

вано на реализации муниципалитетом, субъектом Федерации или федеральным Центром четырех принципов — социальной ориентации, устойчивости, стабильности и сбалансированности [12, с. 25-26]. Анализ принципов социальной ориентации, устойчивости, стабильности и сбалансированности указывает на достижение желаемых результатов и целей регионального процесса во взаимосвязи целенаправленных действий всех ее субъектов-лидеров (элит), населения, социальных групп влияния.

Взаимодействие лидеров и акторов, принадлежащих к административной, политической и экономической элитам региона, а также основные его результаты составляют собственно политико-экономический процесс. Экономика и политика нераздельны и осуществляются на всех уровнях стратификации власти и управления в регионе (федеральный, межрегиональный, региональный, местный), но для региона важнейшее значение имеют два последних уровня.

Именно региональные и местные (локальные) институты оказывают доминирующее влияние на поведение основных отрядов региональных элит (административной, политической и экономической). Феномен «регионализации» Российской Федерации и превращение ее по существу в «Россию регионов» по-новому расставили акценты в формировании основных институтов, обеспечивающих жизнедеятельность территорий. Формирование социально-экономических и политико-правовых институтов регионального политико-экономического процесса в значительной мере уже не зависит от межрегиональных, федеральных и даже международных факторов.

Понятие «институт» в региональном политико-экономическом процессе обозначает долговременные и регулярные практики, санкционируемые и поддерживаемые с помощью определенной совокупности социальных, политических и экономических норм. Институты поддержания оптимальной организации в зависимости от сферы приложения бывают социальные, политические, экономические и правовые. Они складываются как набор ролей, образцов поведения или как система норм (особенно в праве), стандартов, обусловливающих стабильность, устойчивость и регулярность в поведении человека, социальной группы, общества в целом [1, с. 106-107].

В социально-экономическом исследовании целесообразно различать формальные и неформальные институты [6, с. 114]. Политические, экономические и особенно социальные институты в регионах складываются во все возрастающей зависимости от местных и региональных факторов: политического режима, административной, экономической и политической элиты субъекта Федерации, территориальных ресурсов, степени дифференциации уровня жизни на-

селения в городах и селах, в областном (республиканском) центре и на периферии.

Выявление совокупности проблем формирования, функционирования института лидерства и смены лидеров зависит как от характера региональной среды, к условиям которой они адаптируются, так и от методологических подходов и теоретических оценок института лидерства в общественной науке.

Одной из важнейших проблем формирования региональных лидеров является проблема легитимации (законности) целей в использовании власти. Пожалуй, эту проблему можно назвать основной. Именно от ее решения зависит масштаб и эффективность использования региональным лидером социальных, экономических и политических ресурсов территории.

Как показывает практика, региональным лидерам приходится решать много насущных политических, экономических и социальных проблем территории [9, 11]. На этом фоне, собственно, и происходит формирование их как руководителей и эффективных лидеров. В процессе своего профессионального и индивидуального становления они сталкиваются с определенной совокупностью проблем роста, от решения которых уже зависит возможность лидера стать важным фактором сбалансированности, устойчивости и стабильности региона. Поэтому классификация проблем формирования региональных лидеров имеет актуальное значение для науки и практики.

Совокупность проблем, порождаемых необходимостью для регионального лидера как менеджера находить общезначимую цель, ясно и четко формулировать ее в рамках правового поля политики, является первичной и наиболее сложной по всем параметрам. Политические цели лидера могут быть легитимными или нелегитимными, продуктивными или рутинными, стратегическими или тактическими, общенациональными или корпоративными, конкретными или абстрактными, реальными или утопическими. Вообще, проблемы политического целеполагания, на наш взгляд, можно увязать с тем, насколько лидер способен осознать и освоить потенциал экономических, социальных и политических ресурсов, которыми обладает регион как территория и как местное сообщество.

Второй блок проблем лидерства внутренне связан с региональной ситуацией и проецируется на нее. Ситуативные проблемы, подстерегающие лидера независимо от его личных качеств и способностей, обширны и составляют предмет самостоятельного исследования. Поэтому мы ограничимся простым их упорядочением.

Прежде всего, на поверхности региональной политики находятся проблемы, образуемые потребностями населения региона и составляющие минимальный социальный стандарт жизни. Сюда входят жилищные проблемы, проблемы медицинского обслуживания и здравоохранения, образования, досуга, занятости, семьи и т. д.

Все эти вопросы внутри региональной повседневной жизни людей находят свое выражение в политических предпочтениях населения и проявляются во время избирательных кампаний, акций протеста и т. п. Более глубокий уровень региональной ситуации образуется собственно нуждами территории как комплекса материальных, информационных, энергетических, трудовых, финансовых ресурсов, систем коммуникаций, производства, городов и сельских поселений, межрегиональных связей, политико-правовой системы и статуса региона (в сумме его прав и привилегий) как субъекта Федерации. Территориальные проблемы формирования института лидерства типизируются в исторических и ситуативных, объективных и субъективных, внешних и внутренних проблемах.

Третий блок проблем регионального лидерства — это количество и качество существующих в регионе элит: политической, административной, научной, экономической, культурной, а также наличие контр-элиты. Здесь можно выделить также такие особенности политической мотивации лидеров, как карьеризм, революционность, реформаторство или конформизм.

Консенсус, компромисс, согласование обозначают здесь разные аспекты (промежуточные критерии) эффективного использования лидером совокупных ресурсов региона в рамках технологий влияния. Здесь следует выделить проблемы высокоэффективных, малоэффективных и неэффективных технологий власти и регионального управления.

Этап принятия и реализации управленческого решения также весьма важен в лидерском поведении. На этом этапе проблемы формирования лидера следует разделить на три группы — способ принятия решений, метод управления и стиль руководства. По способу принятия решений управление может быть централизованным и децентрализованным. Метод управления

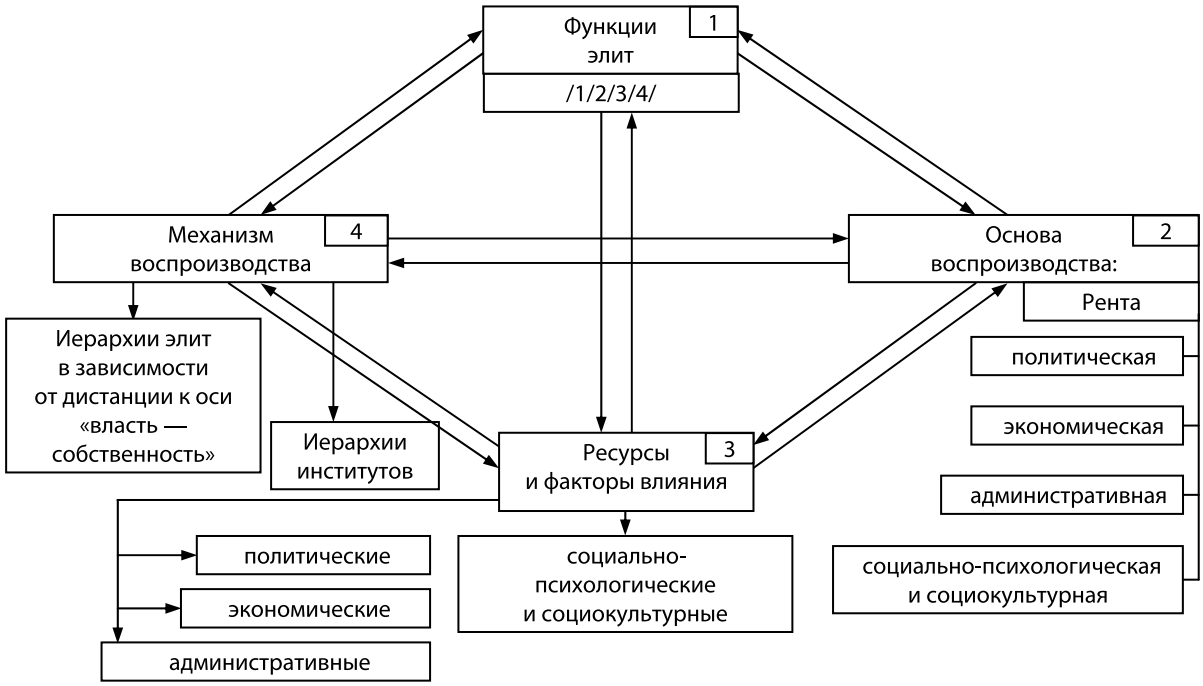

Рис. 6. *Система воспроизводства элит в рыночной экономике*

— командный и программно-целевой. Стиль руководства — авторитарный, демократический, директивный, коллегиальный.

Наконец, существует большая группа проблем, связанных с решением локальных вопросов, возникающих в процессе формирования лидера как модельного образца региональной элиты:

— проблема идеала регионального политика, более или менее единодушно принятого местной элитой;

— проблема личных деловых качеств лидера, в частности, касающаяся возможностей его реального участия в подготовке и разработке региональных проектов;

— проблема места лидера в региональной элите;

— проблема единства ценностных ориентаций, целей и идеалов у региональной элиты;

— проблема морального облика и нравственных качеств элиты и региональных лидеров;

— проблема их общей, специальной и профессиональной культуры.

В настоящее время на фоне усиливающейся концентрации власти федеральной элиты их факторное влияние на общественное благосостояние территорий может быть двояким: либо элита снижает общественное благосостояние, либо повышает его, служа общественным интересам.

В первом случае снижение благосостояния обусловлено дисфункцией и патологией системы воспроизводства основных подсистем элиты как социальной группы на всех уровнях общественной организации. В нормальном состоянии система воспроизводства элиты (института лидерства) функционирует на основе синтеза и синергии четырех ее подсистем. На рис. 6 представлена система нормального функционирования института лидерства (элит) в национальной экономике.

В норме система воспроизводства элит включает реализацию всего набора функций с использованием совокупности ресурсов, открытого формирования механизма лидерства и естественного восприятия населением ренты элит как некой справедливой цены развития социального организма. Инверсия общественного развития и многочисленные дисфункции — как следствия утери элитой лидерского статуса — связаны с редукцией системы ее воспроизводства и патологией самого механизма и основы функционирования института лидерства. Понятие инверсии в общем виде отражает переворачивание, перестановку элементов системы или процесса, вследствие чего формируется принципиально новая структура системы, новое качество процесса (элементы, которые меняют расположение, сами по себе остаются прежними). Это значит, что при прочих равных условиях система, процесс становятся другими по сравнению с тем, что было известно о них ранее, и уже совершенно не соответствуют своей

прежней целевой функции. Редукция системы воспроизводства элит в рыночной экономике здесь означает упрощение структуры, строения, значительное сокращение числа элементов и функций, сужение социальной базы, автаркию системы.

В табл. 4 представлено описание элементов четырех подсистем системы воспроизводства элит в национальной экономике. На наш взгляд, к инверсии развития ведут резкое сокращение социальной базы элиты, утеря ценностных ориентаций, ресурсов и факторов влияния, «закрытость» механизма воспроизводства, социальный паразитизм, снижение разнообразия жизни, смещение источника эволюции на низовые уровни социальной организации (появление так называемых системных qwerty-эффектов).

Из содержания табл. 4 следует, что борьба элит за новые стили и формы жизни есть продолжение экономической динамики поколений. Первое приближение к пониманию роли поколений и, соответственно, роли элит сделал В. Парето, предложив классификацию элит на основе их дуализма («экономика — политика») по двум факторам: по фактору постоянства и по фактору изменчивости.

Экономическая теория элит В. Парето носила более культурно-исторический характер, чем социально-экономический. Так, им различались такие типы поколений политических элит, как «львы» (фактор постоянства в политике) и «лисы» (фактор изменчивости в политике), а также поколения экономических элит — «рантье» (фактор постоянства в экономике) и «спекулянты» (фактор изменчивости в экономике). Их динамика взаимодействия порождает в результате порядок или хаос в обществе, т. е., говоря более формально, равновесные или неравновес-

Таблица 4

Перечень подсистем и элементов системы воспроизводства элит

Подсистема	Описание элементов
Функции элит	1. По сфере влияния функции элит подразделяются на экономические, социальные, политические и социокультурные. 2. По силе влияния — на функции доминирования и лидерства. 3. По инструментам влияния — функция легализации государственных, корпоративных, индивидуальных средств воздействия на объект управления и манипулирования. 4. По технологии влияния — на функцию легитимации схем и способов влияния и власти и на функцию институционализации норм, стандартов, правил, стилей жизни, этических кодексов и т. п.
Основа воспроизводства	Основу воспроизводства элит образует рента. Рента служит универсальной экономической категорией классификации элит в России. По определению экономическая рента есть «любая плата, приходящаяся на долю некоторого фактора производства и превосходящая его альтернативную стоимость» [7, с. 99]. В зависимости от вида и специфики фактора, при помощи которого достигается регулярное получение ренты, следует выделить четыре вида ренты: административную, политическую, экономическую, социально-психологическую и социокультурную
Ресурсы и факторы влияния	Под ресурсом, на наш взгляд, следует понимать совокупность факторов и источников административного, политического, экономического, социально-психологического и социокультурного влияния. Административный ресурс — это власть и влияние бюрократии. Политический ресурс, соответственно — влияние политиков, депутатов, представителей политических партий и СМИ. Экономический ресурс — имущественные и финансовые средства, которыми располагают элиты. Социально-психологические и социокультурные ресурсы — это средства духовного, морального, интеллектуального и т. п. влияния
Механизм воспроизводства	В российских условиях под механизмом воспроизводства понимается схема обеспечения непрерывного и устойчивого влияния элиты. Механизм состоит из двух частей — иерархии институтов и иерархии элит. Иерархии институтов включают кроме политических и экономических институтов институты циркуляции, рекрутинга, карьерного роста, лидерства и др. Иерархии элит как составная часть их воспроизводственного механизма формируются в дистанции к оси «власть — собственность». Другие социальные оси иерархических структур в условиях российской экономики имеют гораздо меньшее значение или не имеют его вообще, например ось «образование — статус» [15, с. 147-160]

Таблица 5

Нормативное описание элементов качества элит

Подсистема	Старые поколения элит (неэффективные)	Новые поколения элит (эффективные)
Функции элит	Невыполнение обязательств и обещаний, смещение социальных целей, антисистемная траектория развития общества, дисфункции в управлении и влиянии	Максимальная функциональная наполненность, устойчивость к мутациям, стабильные цели, системная траектория развития и саморазвития общества
Основа воспроизводства	Административная, политическая и экономическая рента за исключением социально-психологической и социокультурной (вследствие исчерпанности данных ресурсов). Рента элит в целом воспринимается как противоестественные издержки, как чистые потери общественного благосостояния	Все виды ренты, которые воспринимаются населением как естественные издержки эволюции, как справедливая цена развития, модернизации социума
Ресурсы и факторы влияния	Административные, политические и экономические	Социально-психологические и социокультурные ресурсы и факторы влияния
Механизм воспроизводства	Жесткая иерархия элит, резкое сокращение социальной базы, размывание ценностных ориентаций, закрытая циркуляция на «входе» и «выходе», социальный паразитизм	Иерархия институтов, широкая социальная база, гибкий механизм рекрутинга, открытая циркуляция элит, явный лидерский статус, социальная ответственность, доверие населения, перспектива
Инструменты экономики благосостояния	Налоги, меценатство, благотворительность, спонсорство, попечительство, социальные инвестиции	Налоги, меценатство, благотворительность, спонсорство, попечительство, социальные инвестиции

ные схемы и ситуации воспроизводства общественного благосостояния.

Борьба нового и старого возникает, с одной стороны, из противоречий невозможности старой элиты навязывать свои ценности населению страны и, с другой стороны, отсутствия у новой элиты потенциала. В этом причины неизбежных конфликтов элит, ведущих к кризису и революции. Для экономической науки крайне желательно наличие более точных инструментов диагностики качества элит, а не только позитивное их описание по известным моделям теории экономики благосостояния и общественного выбора. В табл. 5 представлена авторская версия нормативного анализа качества элит, положения которого могут служить инструментами их диагностики.

Таким образом, в рамках нормативной теории можно сделать вывод о том, что экономика элит может носить конструктивный или деструктивный характер и оказывать положительное или отрицательное влияние на благосостояние. Конструктивное экономическое значение деятельность элит имеет в переходные, кризисные периоды развития общества, когда действие традиционных институтов и факторов ограничено либо не проявляется в должной мере. Общее экономическое равновесие и реинтеграцию политико-правового, этического и экономического строя государства обеспечивают элиты за счет создания нового институционального порядка и управления на его основе. С укоренением новых институтов и с их развитием набирают силу тенденции «омассовления» элит, элитизации населения, что требует новых технологий управления государством, гражданским обществом, функционирования демократии и рынка. Новые технологии взамен элитарных технологий должны иметь характер резкого расширения социальных сетей населения, роста социального, символического, человеческого капиталов на основе институтов доверия, перспективы, социальной ответственности, связывающих население и лидеров (элиту).

С другой стороны, весьма вероятно и перерождение элиты в кланы и криминальные сообщества, имеющие разнообразные формы существования. Процессы вырождения отражаются прежде всего в изменении режима функционирования экономики, в закрытости элит, в чрезмерном меркантилизме «верхов», и если отсутствует оппозиция, нет новой элиты (в смысле

антиэлиты старой), то рост общественного благосостояния затормаживается, замедляется и оборачивается потерями для всего населения.

Фактором ускорения эволюции, включая открытие, принятие и инсталляцию новых институтов, выступают поколения, их пассионарность. Пассионарность имеет энергетическую природу, она есть способность индивида совершать целенаправленную работу по изменению окружения. Индивидуальная активность проявляется в стремлении к цели и в способности к сверхнапряжениям и жертвенности ради достижения этой цели. Жертвенность понимается как отказ от удовлетворения ближайших потребностей, иногда жизненно важных, ради доминирующей социальной или идеальной потребности, осознаваемой как долгосрочная цель.

Список источников

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С.* Социологический словарь : пер. с англ. / Под ред. С. А. Ерофеева. М. : Экономика, 1999. 356 с.

2. *Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Дж.* Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста // Эковест. — 2006. — №1 (5). С. 4-43. — (Институт приватизации и менеджмента).

3. *Болдырев И.* Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации // Вопросы экономики. — 2008. — №7. — С. 100-111.

4. *Болдырев И. А.* Языковые игры и экономическая теория мейнстрима // Теоретическая экономика. Труды семинара / Под ред. А. Рубинштейна. — М. : ИЭ РАН, 2009. — Кн. 4. — С. 275-323.

5. *Вольчик В. В.* Природа меркантилистической экономики и институт власти-собственности // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2005. — Т. 3. — №2. — С. 73-83.

6. *Гельман В. Я.* Демократизация, структурный плюрализм и неустойчивый бицентризм. Волгоградская область // Полис. — 2000. — № 2. — С. 96-117.

7. *Долан Э. Дж., Линдсей Д.* Рынок. Микроэкономическая модель : пер. с англ. В. Лукашевича и др.; под общ. ред. Б. Лисовика и В. Лукашевича. — СПб. : СП «Автокомп», 1992. 496 с.

8. История экономических учений : учеб. пособие / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. — М. : Инфра-М, 2002. — 784 с. (Серия «Высшее образование»).

9. *Лавров И. В.* 50 ведущих политиков области. Практика как критерий политического влияния // Регион. — 1999. — №3. — С. 32-35.

10. *Лавров И. В.* К определению понятия «экономика счастья» // Труды VI Международного российско-китайского симпозиума «Государство и рынок» : в 3-х ч. Секция 3. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2005. — С. 134-137.

11. *Лавров И. В.* Элита области. Трудный путь самоопределения // Регион. — 1999. — №4. — С. 42-47.

12. *Лексин В. Н., Швецов А. И.* Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. — 3-е издание (стереотипное). — М. : Эдиториал УРСС, 2000. — 368 с.

13. *Менгер К.* Основания политической экономии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bookz.ru/authors/karl-menger.html (дата обращения: 22.05.2006).

14. *Московичи С.* Машина, творящая богов : пер. с фр. — М. : Центр психологии и психотерапии; Изд-во «КСП+», 1998. — 480 с.

15. *Попов Е., Лавров И.* Элиты в теории экономики благосостояния и общественного выбора // Общество и экономика. — 2008. — №10-11. — С. 147-160.

16. *Попов Н. П.* Классы в российском обществе // Вестник РАН. — 2009. — Т. 79, №11. — С. 1053-1056.

17. *Румянцева Е. Е.* Экономика счастья. — М. : Инфра-М, 2010. — 96 с.

18. *Самуэльсон П. Э.* Общественные кривые безразличия // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. / Под общ. ред. А. П. Заостровцева. — СПб. : Экономическая школа, 2004. — С.135-164.

19. *Сидорина Т. Ю.* Институты самоорганизации граждан и развитие теории государства всеобщего благосостояния // Общественные науки и современность. — 2010. — №5. — С. 87-100.

20. Словарь современной экономической теории Макмиллана. — М. : Инфра-М, 2003. — 608 с.

21. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. — М. : Республика, 1992. — 543 с.

22. *Ставерен И.* Этика эффективности // Вопросы экономики. — 2009. — №12. — С. 58-71.

УДК 330.831.43

ключевые слова: экономика благосостояния, режим функционирования экономики, нормативная экономическая теория, институт перспективы, интегральный критерий роста благосостояния, элиты, лидеры